

RU

Репрезентация категории времени в романах М. Павича

Зоткина А. С., Маслова А. Ю.

Аннотация. Целью исследования является выявление особенностей репрезентации категории времени в романах М. Павича, творчество которого относят к постмодернистской традиции. Научная новизна работы заключается в том, что впервые был проведён комплексный анализ образа времени как сквозного образа в его разных проявлениях в романном творчестве М. Павича. Полученные результаты показали, что у писателя складывается последовательная концепция представления времени как неделимой материи, функционирующей в сознании героев в виде метафорических образов; сон, смерть, вечность как формы проявления времени в интерпретации сербского писателя представляют особую временную картину и отчасти объясняют его приверженность к нелинейной прозе.

EN

Representation of Category of Time in M. Pavich's Novels

Zotkina A. S., Maslova A. Y.

Abstract. The paper aims to identify the features of the time category representation in the novels of M. Pavich whose works are considered to belong to the postmodernist tradition. The scientific originality of the research lies in the fact that it carried out the complex analysis of the time image as a penetrating one in its various manifestations in M. Pavich's novels for the first time. The results of the research have shown that the author develops the coherent concept of representation of time as indivisible matter which functions in the form of metaphorical images in the characters' minds; dream, death, eternity as the forms of time manifestation in the Serbian writer's interpretation represent a specific time picture and in some way explain the writer's devotion to nonlinear prose.

Введение

Категория времени универсальна, она представлена во всех культурах и продолжает вызывать интерес у исследователей в различных научных сферах: технической, естественной и гуманитарной. Войдя в употребление в глубокой древности, понятие времени прошло длительный путь от мифологических представлений, где одно мгновение вмещает в себя большое количество событий, до новейших естественнонаучных осмыслений (Чугунова, 2008).

Во всех исследованиях, посвященных категории времени, акцентируются сложность и многогранность возникающих вопросов, обусловленных его разноаспектным изучением. Исследователями выделяются биологическое, физическое, психологическое, историческое, социальное, художественное время (В. А. Москвин, В. В. Попович (2012)). Так, в обзоре А. Б. Тумановой, Т. В. Павловой, Н. Ю. Зуевой представлено шесть типологий только художественного времени (2019).

Как справедливо отмечает А. Гуревич (1968), «вне вопроса о времени, его природе, его роли в жизни оказывается невозможной постановка никаких серьезных задач ни в точных, ни в гуманитарных науках; без этих вопросов нельзя представить себе развития литературы и литературоведения» (с. 152). По словам Д. С. Лихачева (1967), литература «становится искусством времени. Время – его объект, субъект и орудие изображения» (с. 245). В аспекте анализа художественного текста, по М. М. Бахтину (2000), именно хронотоп определяет жанр и жанровые разновидности, при этом приоритет в хронотопе отдается времени.

Данные высказывания свидетельствуют о том, что проблема времени, обозначенная еще в трудах Аристотеля, продолжает оставаться актуальной. Мыслитель говорил о времени как о самом неизвестном феномене, природу которого никто не смог постичь. В осмыслении философов XX века понятие времени меняет свой вектор с настоящего на будущее. Все устремления направлены не к тому, что есть сейчас, то есть к настоящему, а к тому, чего нет, то есть к будущему (Бортникова, 2017).

Свои ответы на вопрос, что такое время, своеобразное представление времени и его восприятие предлагает эпоха постмодернизма. Новым в репрезентации времени явилось его описание как бесконечного настоящего (М. Фуко), актуальной бесконечности (Хронос Ж. Делеза), вечного, застывшего настоящего (Б. Бёрд), что имело свои предпосылки в прошлом. Исследователи ссылаются на идеи Аристотеля о времени, которое состоит из моментов сейчас; на И. Канта и его представление времени как формы внутреннего чувства, на А. Бергсона, противопоставлявшего внешнее время – бесконечное настоящее – и субъективное время человека – внутренний опыт. Время, как отмечает Т. В. Федосова (2010), перестает быть культурной категорией и становится категорией личностной. По мнению исследователя, нередко имплицитно присутствующая в произведении индивидуальная трактовка категории времени является особенностью творчества постмодернистов.

Тема исследования является актуальной, поскольку М. Павич воссоздает в своих текстах собственную картину времени; ее комплексное рассмотрение как важной составляющей художественной структуры романов, отличающихся по тематике, проблематике, позволит выявить приемы, которые писатель использует для создания своей особой картины мира.

Писателя не случайно называют философом современности (Пронина, 2004). Будучи доктором философии, знатоком истории, блестящим филологом и автором интеллектуальной прозы, в своих текстах он размышляет над рядом философских проблем, развивая уже известные теории и формируя собственные концепции. Время относится к числу категорий, которым автор уделяет особое внимание. Именно с данной категорией предпочитал экспериментировать писатель. Думается, это не случайно, поскольку и решение М. Павича в пользу нелинейной прозы обусловлено его восприятием времени. В своем интервью он отмечает, что литература должна приспособиться к современному стремительному XXI веку, к электронной эре, когда семиотический сигнал передается мгновенно (Невзорова, 2009).

Достижение цели исследования обусловлено решением следующих задач: проанализировать образ времени в романах «Хазарский словарь» (Павич, 2020), «Пейзаж, нарисованный чаем» (Павич, 2016) и «Последняя любовь в Константинополе» (Павич, 2017); рассмотреть особенности его художественного выражения; охарактеризовать особые формы проявления времени в романах, а именно: сон, смерть, вечность.

Для понимания художественного воплощения образа времени в творчестве М. Павича использованы принципы сравнительно-исторического анализа, такие методы исследования, как культурно-исторический, метод целостного анализа художественного произведения.

Теоретической базой явились труды выдающихся мыслителей, в которых затронуты вопросы изучения категории времени в философии и литературе, – М. М. Бахтина (2000), Д. С. Лихачёва (1967), Ю. М. Лотмана (2002); публикации, посвященные творчеству М. Павича, особенностям его поэтики (Я. Михайлович (1995), А. В. Месянжинова (2005), Н. А. Никулина (2016), Е. Е. Пронина (2004), Е. В. Шатько (2020) и др.).

Практическая значимость заключается в возможности использовать результаты исследования в вузовских курсах по теории и истории зарубежной литературы, курсах по выбору и факультативных курсах, посвящённых изучению славянской литературы XX века и, в частности, поэтике постмодернизма.

Основная часть

В анализируемых романах М. Павича время становится сюжетобразующей категорией, участником событий, разворачивающихся как в рамках отдельно взятой человеческой судьбы, так и в рамках истории. В «Хазарском словаре» показан период хазарской полемики (в VIII или в IX веке нашей эры). Исторический пласт повествования чередуется с описанием событий XX века (деятельность исследователей хазарского вопроса). В романе «Пейзаж, нарисованный чаем» переплетается время разделения монахов на общинников и одиночек и образования монастыря на Святой горе Афон с 90-ми годами XX столетия. Действия в романе «Последняя любовь в Константинополе» разворачиваются на фоне завоевательных походов французской армии во главе с Наполеоном Бонапартом.

Целостный образ времени складывается из реплик героев и авторских высказываний, в которых раскрываются различные аспекты описываемой категории. Анализ фактического материала позволил выявить ряд общих черт, характеризующих павичевскую интерпретацию категории времени.

Ещё Аристотель отмечал, что настоящее не является промежутком времени, оно лишь разделяет прошлое и будущее. Так и в романах М. Павича время представляет собой нечто единое, не делимое строго на прошлое, настоящее и будущее; между ними нет четких границ: одно перетекает в другое. *Ибо нет резкой грани между прошлым, которое растёт, поглощая настоящее, и будущим, которое, судя по всему, отнюдь не является неисчерпаемым и непрерывным, но с какого-то мгновения начинает уменьшаться и проявляться импульсами* (Павич, 2016, с. 11). Такая трактовка времени соотносится с идеями М. Хайдеггера. Философ представляет категорию времени как нечто целое, объединяющее все три его ипостаси: будущее, настоящее и прошлое. Как отмечает Т. В. Федосова (2012), именно М. Хайдеггером была заложена концептуальная основа времени в постмодернизме.

Нет упорядоченности и в течении месяцев: они не сменяются циклично, как это происходит в традиционном понимании, один месяц может длиться дольше, другие – наступать по несколько раз или не приходиться вообще: *Никогда еще октябрь не приходил так часто, как в этом году...* (Павич, 2016, с. 145). *То, что нам в октябре кажется мартом, на самом деле – январь* (Павич, 2016, с. 206). *...шесть месяцев в году у них июнь, а декабрь едва заглядывает к ним в дом* (Павич, 2017, с. 86). Так метафорично, через образ времени,

писатель отражает душевное состояние героев, когда осень и зима – это воплощение тягостных чувств, увядания, печали, а весна и лето – беззаботности, пробуждения, расцвета.

Герои М. Павича обладают способностью проникать во время и путешествовать в нем, потому что в одном городе время истекает, а в другом оно только начинается (Павич, 2017, с. 11): *...человек может, путешествуя между этими городами, совершать движение во времени вперед и назад* (Павич, 2017, с. 38), так что в некоторой степени герои становятся независимыми от времени. Несмотря на фантастичность утверждаемого тезиса, обращение к временной характеристике имеет рациональное объяснение: перемещаясь между городами, находящимися в разных часовых поясах, человек будто путешествует во времени, проходит сквозь него.

Течение времени непостоянно. Оно может проходить с разной скоростью: *Годы словно дни, а месяцу конца нет* (Павич, 2016, с. 36). *И время начало течь слишком медленно...* (Павич, 2020, с. 158). *...в его снах время течет гораздо быстрее, чем наяву, так что каждую ночь он успевает прожить не меньше десяти лет* (Павич, 2017, с. 25).

М. Павич описывает ощущения времени, свойственные каждому человеку. Время может течь с разной скоростью в зависимости от настроения, вида деятельности, возраста, от того, насколько ценно оно для нас («Счастливые часов не наблюдают»). Время может останавливаться и снова входить в привычный темп: *...настоящее – это остановившаяся часть времени. Наше теперь – это, по сути дела, остановившееся время* (Павич, 2016, с. 56). Как утверждает один из героев, Маг, каждый человек имеет два прошлых, название которым «Замедление» и «Ход». «Замедление» с самого рождения человека растет вместе с ним и сопровождает его к смерти, а «Ход», наоборот, возвращает его к рождению (Павич, 2017).

С точки зрения М. Павича, течение времени не является однонаправленным. *Ночь всегда возвращала его куда-то в прошлое, а дни тянули в противоположном направлении...* (Павич, 2017, с. 123). Сходная точка зрения принадлежит И. Ньютону, который считал, что время совсем не имеет направленности. По И. Ньютону, должен быть источник времени, его длительности и продолжительности (Рязанова, 2017).

В произведениях писателя будущее и прошлое взаимозависимы. Прошлое перестает быть постоянной величиной и изменяется под влиянием будущего: *...чем больше наступает будущее, тем сильнее изменяется прошлое, оно становится опаснее, оно непредсказуемо, как завтрашний день...* (Павич, 2016).

Время обратимо. Оно как течение главной реки хазар, потоки которой могут двигаться в противоположном направлении: *В его снах время, как и у хазар, текло от конца к началу жизни и все истекло* (Павич, 2020, с. 203). *Но и это еще было не все – один хазарский год тек из будущего в прошлое, а другой из прошлого в будущее. Реки назывались так же, как два хазарских времени года, так как хазары считали, что за период смены четырех времен года проходит не один год, а два, притом первый год течет в одном направлении, а второй в противоположном (таким же образом, как и их главная река)* (Павич, 2020, с. 204). Интересно, что в действительности, по мнению ученых, течение воды в одном русле реки может быть противоположным, являясь причиной водоворотов. Здесь, как и выше, мы можем наблюдать переплетение реальности и ее метафорического отражения.

Житейская метафора времени как потока (река времени) является довольно распространенной в числе пяти метафор времени (метафоры прямой, потока, круга, цепи и зеркала), которые, как считает Л. В. Логунова (2009), влияют на конкретные представления о нем. Эта метафора предполагает и разную скорость, неравномерность течения, и неоднородность, когда происходит смешение временных промежутков. Исследователь отмечает, что посредством этой метафоры акцентируется «настоящее», что соответствует восприятию времени в ракурсе постмодернизма.

Не случайно метафорическое уподобление времени текущему потоку – образ воды в различных физических состояниях – постоянно возникает в произведениях писателя: *... когда ты наполнишься своими часами, как водой, ты захлебнешься, потому что в тебе для них уже не будет места...* (Павич, 2016, с. 173). *«А между тем капли времени не стряхнешь с лица рукавом, это ведь не капли дождя»* (Павич, 2016, с. 14). *Было ясно видно, что ее время льется, как дождь, а его падает, как снег* (Павич, 2020, с. 375). *Слишком много не надо, чтобы не состариться, ведь это время течет из меня* (Павич, 2020, с. 255). *...она, как в воду, погружена во время* (Павич, 2020, с. 348).

Вода, как и человек, наделяется способностью проживать свой век. Созвучными друг другу являются эпизоды в романах «Хазарский словарь» и «Пейзаж, нарисованный чаем»: *Колодец обвалился, – ответил ему отец, – ведь и колодцы, как и все живое, отживают свой век, а вода, как человек, может состариться и умереть* (Павич, 2016, с. 126). Сравним в «Хазарском словаре»: *И определенная ее часть (книги. – А. З., А. М.) – в снах умерших людей, откуда, как из пересохших колодцев, нельзя извлечь ничего* (Павич, 2020, с. 134). Интересно обратить внимание на то, что автор в обоих случаях упоминает колодец – место, как известно, имеющее глубокое сакральное значение. С одной стороны, это символ жизни как источник воды, с другой стороны, – символический вход в страну мертвых. Как отмечает Е. В. Голубева (2009), «прослеживается явная сакрализация и почитание данного места в разных культурах», «это сакральный локус в общем пространстве, формирующем картину мира» (с. 222). В сербской культуре этот образ также символичен. Например, в эпической песне «Смерть королевича Марка» переплетаются образы колодца как некоего временного портала, воды и смерти. Царевич наклоняется над колодцем и видит свое будущее, то есть свою смерть. Вода в колодце как отражающая поверхность приобретает магическое значение «окна» в потусторонний мир, в котором присутствует (или как-ким-то образом спроецирована) наша реальность, но с некоторым «обгоном» во времени, с его «опережением» (Толстая, 1994, с. 125). Так временные границы оказываются стертыми.

Наряду с масштабным представлением времени как потока можно выделить и опредмеченный образ времени. Время в романах М. Павича нередко заключено в формы конкретных предметов. Например, время – предмет торговли: *С каждого из нас взяли по одному апрельскому вторнику, да еще и по часу сдачи вернули...* (Павич, 2017, с. 85);

время – ткань: *К чему мне смотреть в чужой кусок времени только для того, чтобы увидеть, из чего это время сшито?* (Павич, 2017, с. 53). Отметим, что образ времени как ткани появился еще в древнегреческой мифологии. Мойры – богини судьбы – ткнут нити времени и перерезают их. Символично имя одной из мойр, Клото, которое переводится как *пряжа*.

Чаще других встречается образ узлов, с помощью которых герои измеряют время. Издавна узел является способом передачи информации, например, узелковое письмо, которое, по предположению ученых, могло существовать и у славян (Асов, 2000): *Недавно окрещенные монахи из славян имели обычай завязывать на волосах узелки – напоминание о дневных и ночных молитвах (узелки – символ времени)* (Павич, 2016, с. 55). Символизируя время, узлы в романах М. Павича передают информацию о его ходе: *Отрезав очередную пряжу, она завязывала на чулке узелок. Так она измеряла время* (Павич, 2016, с. 24); одно время отделяется от другого времени узлом, а узел перекрывает питание последующего времени за счет предыдущего. В интерпретации писателем узла как символа времени можно усмотреть некую связь с магической символикой тибетского узла – узла вечности, узла бесконечности, – который олицетворяет переменчивый характер времени, непостоянство и взаимосвязь всех вещей в природе: *...время имеет узлы, «сердца лет», которые своими ударами поддерживают ритм времени, пространства и человеческих существ, а этим узлам соответствуют и узловые акты – действия, соответствующие времени* (Павич, 2020, с. 311). Считается, что особым смыслом обладает и завязывание узла, и его развязывание, а сам узел способен сохранять энергию. Возможно, поэтому ключевые события в жизни человека связаны с определенным ее периодом – узлом на важном временном отрезке: *...в жизни каждого человека есть узловые моменты, отрезки времени, которые можно уподобить ключам* (Павич, 2020, с. 365).

Традиционен образ часов, ставших символом человеческой жизни. Так, Витача слышит, как из часов доносится голос Полихронии (имя также символично), в других фрагментах часы отсчитывают прожитое: *Он... начал стареть с каждым новым ударом, как часы* (Павич, 2020, с. 15). *...время, которое, подобно второму сердцу, бьется в его кармане, перестанет отмерять часы ему в ущерб...* (Павич, 2017, с. 164). Представляется, что метафора *время, которое бьется в его кармане* носит «обратный» характер: обычно образ часов, которые, тикая, отсчитывают мгновения человеческой жизни, метафорически воплощает время; здесь же, наоборот, время опредмечивается в часы, на что указывает локализация – в кармане, и читатель невольно начинает воспринимать течение времени через образ подразумеваемых часов.

В романах неоднократно встречается и образ остановившихся часов. Маленькая Витача удивляется тому, что бабушка Иоланта носит на руке остановившиеся часы: *И правда, в овале остановившихся часов журчало давно прошедшее время...* (Павич, 2016, с. 69). И если следовать логике писателя, для бабушки Иоланты *давно прошедшее время* – это ее время, ее настоящее, ее жизнь. Вспомним: *Наше теперь – это, по сути дела, остановившееся время* (Павич, 2016, с. 56). Отметим, что в подобном акценте на настоящем заметна перекличка с другими выдающимися зарубежными и отечественными писателями: Дж. Фаулзом, Х. С. Борхесом, В. Пелевиным, что свидетельствует о значимости подобного восприятия времени в постмодернистской картине мира.

Не случайно в других произведениях автора читаем: *Даже остановившиеся часы иногда показывают время правильно* (Павич, 2017, с. 64)... *Кто бы мог сказать, подумал я, что и его время заслуживает часов!* (Павич, 2020, с. 369).

Другие выявленные образы и сравнения довольно неожиданны, однако у М. Павича они становятся частью волшебного мира, полного загадок и тайн, а поэтому перестают восприниматься как абсурдные: *Наколотый на свое время, как бабочка на булавку...* (Павич, 2016, с. 53). *Под скорлупой этих яиц не золото, а время* (Павич, 2020, с. 119). *...точно у него в утробе прошлое в будущее переворачивается: ведь будущее всегда из толстой кишки выходит* (Павич, 2017, с. 88). *Кончики рожек улитки, вытянутые до предела* (Павич, 2016, с. 56).

В сравнениях, которые представляют течение времени через года, угадывается непреодолимость его хода и гнета: *...забросает меня годами, как камнями...* (Павич, 2017, с. 126); *годы, густые, как каша, и непроходимые...* (Павич, 2020, с. 106); *...их годы были высоки, как сосны* (Павич, 2020, с. 301).

Время неизбежно оставляет свой след на человеке: *...ваше лицо как год... на нем все четыре времени года* (Павич, 2017, с. 54). *Потому что лицо человека дышит, оно постоянно вдыхает и выдыхает время* (Павич, 2017, с. 93). Если в жизни время накладывает свой отпечаток постепенно, то у М. Павича этот процесс происходит буквально на глазах читателя.

Отметим, что в романах М. Павича практически каждый герой наделяется миссией сказать своё слово о времени. Из многообразия разрозненных фраз и целых монологов выстраивается концепция авторского восприятия: время для М. Павича становится, с одной стороны, единым потоком, внутри которого существует человек. Этот поток можно измерить и сквозь него можно путешествовать. С другой стороны, время видится как конкретный предмет, осязаемый и доступный, изменение которого может происходить на глазах человека.

Значительное место в романах уделяется таким формам проявления времени, как сон, тернарная оппозиция «смерть – жизнь – вечность».

Сон и другие воплощения инобытия человека являются частью субъективного времени, а следовательно, выступают одной из важных характеристик персонажа, его внутреннего мира (Чепорнюк, 2007). Мотив сна выходит на первый план в романе «Хазарский словарь»: *... у каждого хазара был особый посох, на котором в течение всей жизни он вырезал... все, что чувствовал в моменты озарений или высшей полноты жизни. Каждая из таких отметок... называлась сном* (Павич, 2020, с. 210). Именно трактовка сна хазарского кагана послужила причиной «хазарской полемики». Сон и реальность смешались в жизни двух героев романа – Самюэля Коэна и Аврама

Бранковича: сон одного равен яви другого. И так длилось до тех пор, пока одного из них не убили, а второй не остался обречённым на вечный сон.

Мотив сна присутствует в романе при описании секты «ловцов снов», в которую вступает лютнист Масуди. Е. Ю. Потапчук (2017) и Е. В. Шатько (2020), вслед за М. Адамович, видят в образе секты метафору литературного творчества. Как отмечает Е. Е. Проница (2004), ловцы снов получают независимость от времени. Так и писатель ищет вдохновение в чертогах своего разума, в ином измерении.

Мотив сна, в котором течение времени иное, становится сквозным, его можно наблюдать и в других романах: *Спи, во сне не стареют...* (Павич, 2016, с. 243). *...а сейчас болен странной болезнью: в его снах время течет гораздо быстрее, чем наяву* (Павич, 2017, с. 38).

Образ сна связан с образом смерти. Н. И. Толстой выделил ряд основных способов репрезентации сна в литературе, одним из которых является уравнивание сна и смерти. Сон представляется в качестве временного перехода в потусторонний мир (Чепорнюк, 2007). И в интерпретации М. Павича сон – это «репетиция» смерти. Сон находится ближе к смерти, чем к жизни. Сон и смерть всегда рядом, одно перетекает в другое: *1) смерть – это однофамилец сна, только фамилия эта нам неизвестна; 2) сон – это каждодневное умирание, маленькое упражнение в смерти, которая ему сестра, но не каждый брат в равной степени близок своей сестре* (Павич, 2020, с. 112).

Не случайно Коэн в своих снах видел смерть Бранковича. Смерть в романах представлена именно как вечный сон, а не как неизбежное, непоправимое горе. Герои рассуждают о смерти как о данности, без драматизма и трагической обречённости: *А смерть, дорогой майор... всего лишь частичка нашего времени, которая утратила возможность остановиться* (Павич, 2016, с. 56).

М. Адамович (2003) приводит формулу «область вечности – в проекции на человека – есть область смерти» (с. 5) и подтверждает её цитатами из романа «Внутренняя сторона ветра» и рассказов М. Павича: «...время приходит из смерти. ...смерть пребывает в области, через которую время течет. Значит, время течет сквозь смерть и останавливается в жизни. В той самой точке, где пересекаются вечность и время на крестовине оконного переплета души...» («Внутренняя сторона ветра») (с. 6). Та же мысль прослеживается и в анализируемых нами текстах: *...время каждого раньше или позже перестанет останавливаться и исчезнет навсегда. Когда твоя часть времени утратит возможность останавливаться, ты умрешь, потому что, запомни, во времени – до тех пор и пока оно в движении – нет, не было и не будет жизни... Время должно нас ждать, чтобы мы жили* (Павич, 2016, с. 56). *У него не было никаких причин любить свое прошлое, но он надеялся на будущее и любил его, хотя понимал, что оно ведет его в смерть. Впереди было все, позади – ничего* (Павич, 2017, с. 60).

Смерть, по мнению героев М. Павича, это не конец, а начало, что вписывается и в христианскую традицию, и в богомильскую концепцию (Адамович, 2003).

Вечность – понятие, также немаловажное для творчества М. Павича, на что обращается внимание и в критике при упоминании мифологем времени-вечности как основных для прозы писателя (Адамович, 2002, с. 408).

В концепции М. Павича в точке пересечения с вечностью время останавливается и порождает жизнь. Жизнь возможна только в таком времени, которое на мгновение остановилось. По мнению М. Адамович (2003), эта конструкция принципиальна для писателя: «...мы находимся здесь, потому что в этой части вселенной время останавливается и тем самым делает возможной нашу жизнь» (с. 14).

К соотношению времени и вечности М. Павич обращается и в романе «Хазарский словарь». И если в вышеупомянутом романе пересечение времени и вечности материализуется в статичном образе оконной крестовины, где вечность представлена «центральной вертикальной планкой оконной рамы, а время – горизонтальной», то в «Хазарском словаре» к этому соотношению подводит динамичный образ лестницы, связанный с движением – отставанием, порождающим время: *«Так Адам-предтеча отстал: семь ступеней лестницы – это степень его отставания от самого себя, и так родилось время. Потому что время – это только та часть вечности, которая опаздывает»* (Павич, 2020, с. 139).

Подобное определение вечности созвучно философским осмыслениям данной категории. Вечность противопоставлена времени, и более того, время является лишь частью вечности, поскольку время может мыслиться в трёх ипостасях (прошлое, настоящее и будущее), а вечность существует всегда, то есть она атемпоральна.

Заключение

Таким образом, романы М. Павича, как и другие произведения постмодернизма, построены по ризомному принципу. Однако за нелинейной хаотичной структурой прослеживается последовательная система взглядов писателя. На примере образа времени видно, что основные идеи М. Павича переходят из текста в текст и находят своё воплощение в анализируемых романах.

Категория времени становится в творчестве М. Павича одной из основополагающих. В романах сербского писателя выстраивается концепция интерпретации времени: время представлено как подвижная относительная субстанция, которая может менять направление и скорость. Как правило, оно мыслится метафорическими образами: вода, узлы, часы и др.

В анализируемых произведениях наблюдаются разные формы существования времени: реальность и сон, жизнь и смерть, вечность. Для писателя важно понятие вечности, вневременья, поскольку оно связано с творческим актом. Именно поэтому в каждом романе так или иначе присутствует мотив сна. Для М. Павича сон является «репетицией» смерти, а смерть – началом вечности.

Идеи писателя об обратимости времени, его нелинейности переходят из произведения в произведение, один и тот же фрагмент можно наблюдать в разных текстах, например, в романе «Хазарский словарь» и пьесе «Вечность и еще один день», что является осознанным решением творца-экспериментатора, который видел свое творчество как один колоссальный гипертекст. Это еще одно из свидетельств того, что постмодернистское мировоззрение отражается в темпоральных сдвигах, в индивидуальном стиле писателя.

В перспективе представляет интерес исследование проблемы концептуализации времени в творчестве М. Павича, в частности корреляции образа времени в романах прозаика с когнитивными моделями темпоральности, построенными на метафоре времени и движении с учетом позиции наблюдателя – «модель движущегося времени» и «модель движущегося Эго», по Дж. Лакоффу (Lakoff, 1993). Глубоко метафоричное развитие М. Павичем категории времени позволит продолжить исследование концептуальных метафор в различных культурах, выявить универсальные образы и национальные специфические черты.

Источники | References

1. Адамович М. Соблазненные смертью. Мифотворчество в прозе 90-х годов: Ю. Мамлеев, М. Павич, В. Пелевин, А. Дмитриев // *Континент*. 2002. № 114 (4).
2. Адамович М. Внутренняя сторона ветра (проблема времени и вечности в прозе Милорада Павича) // *Вопросы литературы*. 2003. № 6.
3. Асов А. И. Славянские руны и «Боянов гимн». М.: Вече, 2000.
4. Бахтин М. М. Эпос и роман. СПб.: Азбука, 2000.
5. Бортникова Т. Г. Отношение ко времени как отражение этнического сознания // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2017. № 5.
6. Голубева Е. В. Колодцы как сакральный пространственный локус // *Молодой ученый*. 2009. № 10 (10). URL: <https://moluch.ru/archive/10/702/>
7. Гришкова Л. В. Хронотоп постмодернистского романа // *Вестник Курганского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки»*. 2009. Вып. 5. № 2.
8. Гуревич А. Что есть время? // *Вопросы литературы*. 1968. № 11.
9. Лихачёв Д. С. Поэтика художественного времени // *Поэтика древнерусской литературы*. Л.: Наука, 1967.
10. Логунова Л. В. Время - понятие или метафора? // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2009. № 2 (6).
11. Лотман Ю. М. Текст в тексте. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академический проект, 2002.
12. Месянжинова А. В. Архетипическая основа постмодернистских культурных моделей: Милорад Павич и Джулиан Барнс // *Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2005. № 2.
13. Михайлович Я. Проза Милорада Павича и гипертекст // *Иностранная литература*. 1995. № 7.
14. Москвин В. А., Попович В. В. Философско-психологические аспекты исследования категории времени. М.: Lennex Corp., 2012.
15. Невзорова Н. П. Нелинейная проза Милорада Павича и современное медиапространство (от интертекстуальности книги к гипертексту виртуальной реальности) // *Русский язык в современном медиапространстве*. Белгород, 2009.
16. Никулина Н. А. Специфика интерпретации романа М. Павича «Последняя любовь в Константинополе» // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2016. № 11 (65). Ч. 1.
17. Павич М. Пейзаж, нарисованный чаем: роман-кроссворд / пер. с серб. Н. Вагаповой, Р. Грецкой. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2016.
18. Павич М. Последняя любовь в Константинополе: пособие по гаданию: роман / пер. с серб. Л. Савельевой. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2017.
19. Павич М. Хазарский словарь: роман-лексикон в 1 000 000 слов. Мужская версия / пер. с серб. Л. Савельевой. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2020.
20. Потапчук Е. Ю. Мотив сна в романе М. Павича «Хазарский словарь» // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2017. № 3 (57).
21. Пронина Е. Е. Последний из хазар: словарь Милорада Павича // *Общественные науки и современность*. 2004. № 3.
22. Рязанова С. В. Пространство и время в художественном творчестве: дисс. ... к. филол. н. СПб., 2017.
23. Толстая С. М. Зеркало в традиционных славянских верованиях и обрядах // *Славянский и балканский фольклор. Верования. Текст. Ритуал*. М.: Наука, 1994.
24. Туманова А. Б., Павлова Т. В., Зуева Н. Ю. Категория времени в современной науке: анализ и интерпретация // *Неофилология*. 2019. Т. 5. № 18.
25. Федосова Т. В. Основные принципы философии постмодернизма и их воплощение в художественном тексте // *Мир науки, культуры, образования*. 2010. № 3.
26. Федосова Т. В. Репрезентация времени в постмодернистском дискурсе // *Филология и человек*. 2012. № 1.

27. Чепорнюк Е. Н. Сны и видения как формы субъективного времени в романах В. М. Шукшина // Вестник Костромского государственного университета. 2007. № 2.
28. Чугунова С. А. Ландшафт времени в различных культурах // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 11 (75).
29. Шатько Е. В. Художественная структура романов М. Павича (некоторые аспекты поэтики): дисс. ... к. филол. н. М., 2020.
30. Lakoff G. The contemporary theory of metaphor // Metaphor and thought / ed. by A. Ortony. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.

Информация об авторах | Author information

RU**Зоткина Анастасия Сергеевна¹****Маслова Алина Юрьевна²**, д. филол. н., доц.^{1,2} Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, г. Саранск**EN****Zotkina Anastasiya Sergeevna¹****Maslova Alina Yurevna²**, Dr^{1,2} Ogarev Mordovia State University, Saransk¹ anastasya.zotckina1998@yandex.ru, ² al_mas@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 19.08.2021; опубликовано (published): 28.12.2021.

Ключевые слова (keywords): М. Павич; категория времени; хронотоп; сон; мотив смерти и вечности; M. Pavich; category of time; chronotope; dream; motive of death and eternity.